ОЛЬГА ЛАРИОНОВА

ПЕРЕБЕЖЧИК

Фантастический рассказ

Было уже больше пяти. Астор шел пустеющим институтским коридором, и, по мере того как оставались позади стеклянные двери лабораторий и мастерских, уходили привычные дневные мысли, уходило все то, что делало его просто физиком. Оставалось пройти шагов двадцать, спуститься по традиционным ступеням вестибюля, миновать сосновую аллею и войти в свой дом, расположенный в каких-нибудь пяти минутах ходьбы от института и двадцати минутах полета до Союза писателей.

Когда он дойдет до своего дома, он уже окончательно перестанет быть физиком, потому что наступит вечер. По вечерам же он был не просто Астором Эламитом, а всемирно известным писателем. Он шел не спеша, хотя именно сегодня ему следовало торопиться. Но он заглядывал в каждую дверь, входил иногда в какую-нибудь комнату, осматривался, заглядывал за шкафы и приборы. Он отдыхал. Это был маленький перерыв, передышка, отдушина между теми двумя состояниями, через которые он с неумолимой периодичностью проходил каждый день. Именно так — не профессиями, а состояниями. Несколько минут, когда он позволял себе быть не тем и не другим, а просто усталым, отрешенным от всего человеком. И, как всегда, эти минуты он тратил на то, чтобы найти Рику — он знал, что она еще не ушла из института.

Рисунки Н. ЭСТИСА

Он нашел ее на подоконнике в малой кибернетической. Она сидела, положив подбородок на колени, грустная и нахохлившаяся, и было видно, что ко всем ее маленьким девчоночьим бедам только и не хватало Астора.

Он подошел к ней и остановился. Надо было что-то сказать. А он даже не представлял себе, для чего он ее искал. Надо понимать, ему просто доставляло удовольствие ее видеть. Но вот теперь, глядя на нее, он искал в себе это самое удовольствие, радость, пусть маленькую, но обязанную возникнуть — и, как всегда, не находил. Что общего было между ним, солидным мужем науки, и ею, белобрысой пигалицей, нерадивой практиканткой? Он частенько думал над тем, какая же нечистая сила заставляет его искать ее, мучительно подыскивать нелепые, чужие фразы, вечно не знать, с чего начать, а самое ужасное — чем и когда кончить, и все-таки искать, и все-таки говорить, и все-таки смотреть на нее...

— Почему вы остались? — спросил он невыносимым голосом. — Вы же знаете, что энергоподача прекращена по всему институту.

Она посмотрела на него с высоты своего подоконника и кротко ответила:

— А я энергии не потребляю.

«Забавно, — подумал Астор, — но что я буду делать с этой

сценой вечером, когда все это будет происходить уже не в жизни, а в моей повести, когда я буду уже не я, а другой, моложе и обаятельнее, и не с этим дурацким именем — Астор, удивительно напоминающим кличку благородной охотничьей собаки, — а тот Стор, внешне напоминающий прекрасного капитана из старого бульварного романа, наделенный всем тем, чего так не хватает мне самому? С девчонкой-то я уже разделался — я превратил ее из долговязой, белобрысой Рики в златокудрую красавицу Регину, но как быть с этим диалогом? Могу ли я позволить, чтобы и в моей повести она мне так же хамила?»

— Ступайте домой, — сказал он как можно строже. — Практикантам не позволяется задерживаться в помещениях института без присмотра сотрудников.

— А вы за мной присмотрите, — сказала она, подтягивая колени к груди и освобождая кусочек подоконника. — Вы сядьте рядышком и присмотрите за мной.

«Ну, голубушка, — думал он, продолжая стоять, — а вот это я уж непременно сохраню. Моя Регина обязательно скажет: а вы присмотрите за мной... И подвинется на подоконнике. Но вся беда в том, что я, то есть не я, а Стор, он сядет рядом, и что будет потом, господи, что будет потом... Ведь знаю, что все банально до отвращения, аж пальцы на ногах поджимаются, и все-таки буду писать. Литература, черт ее дери...»

— Послушайте, девочка, — сказал он, заранее чувствуя, что будет сейчас говорить совсем не то, что нужно. — Я неоднократно советовал вам переменить профессию. Не теряйте времени, порядочного физика из вас не выйдет. Не тот склад характера.

— Я и не собираюсь стать порядочным физиком, — она нисколько не смутилась. — Я с этого только начну. А потом я стану Настоящим Писателем, как вы.

Он удивленно посмотрел на нее. Он никогда не говорил в институте о своей второй профессии — он тут же поправился: о своем втором состоянии.

— Это много труднее, чем стать просто физиком, — сказал он медленно. — Можно писать всю жизнь и не стать Настоящим Писателем.

— Вот я и буду писать всю жизнь.

— Но сначала надо научиться писать на бумаге.

Это очень мучительно — писать на бумаге. Ты сам знаешь о своем герое так много, что невольно перестаешь понимать, удалось ли тебе вложить в подтекст все то, что никак не умещается в печатных строчках. Для тебя этот подтекст существует потому, что все то, что ты думал, когда создавал свою повесть, или роман, или даже коротенький рассказ, все это всегда при тебе, и, когда ты перечитываешь написанное тобой, тысячи ассоциаций роятся у тебя в голове и волей-неволей создают то переплетение звуков, запахов, ощущений и желаний, которое делает написанное живой плотью; но все это только для тебя. А как проверить, существует ли все это для постороннего читателя?

И даже свое собственное, оно может звучать совсем по-разному в зависимости от того, написано ли это пером, напе-

чатано на машинке или оттиснуто типографским способом. Вот и разберись, где у тебя вышло по-человечески, а где — просто никуда. Пишешь и пишешь, мучаешься несказанно и в один прекрасный день решаешь послать все к чертям, потому что уже очевидно, что ничегошеньки из тебя не получилось, — и вдруг, как снег на голову, решение Совета Союза писателей о том, что тебе присваивают право быть Настоящим Писателем.

И ты перестаешь писать на бумаге.

— Хочу так же, как вы, — упрямо повторила Рика, — хочу быть Настоящим Писателем и создавать живых людей.

«Совсем еще девчонка, — подумал Астор, — совсем еще глупая. Все они в определенном возрасте мечтают или летать на Уран, или спускаться в магму, или быть Настоящими Писателями. Но, как правило, к шестнадцати годам это проходит. Половина из них марает бумагу в рифму и без, но дальше бумаги идут единицы. Единицы со всей планеты. У остальных проходит. Пройдет и у этой, пройдет само собой, так что не надо ничего говорить. Разубеждать девчонку в желании стать кем-нибудь — занятие неблагодарное и, главное, начисто бесполезное».

— Для того, чтобы создавать живых людей, мало хотеть, — с удивлением услышал он собственный менторский тон. — Это право присваивает Совет писателей, но и оно не пожизненно. Его могут дать — и могут отобрать. И потом, среди Настоящих Писателей чрезвычайно мало женщин. По всей вероятности, это происходит потому, что женщины имеют возможность создавать живых людей другим, более естественным путем, и это у них получается лучше.

Рика покраснела так стремительно, что Астор даже перепугался, но она только крепче прижала коленки к груди, подождала, пока ей не показалось, что краска уже сошла, — а на самом деле она держалась еще минут десять, — и снова повторила упрямо и зло:

— Вот хочу и буду, хочу и буду. Это будут мои люди, совсем мои, я их выдумаю, заставлю дышать, двигаться, мучаться, а главное — жить по-человечески. Понимаете — я научу их жить так, как я хочу.

— Понимаю, — медленно сказал Астор. — И я об этом мечтал. Я мечтал о том, как мои герои будут жить. Я мечтал о том, как я их произведу на свет божий. Я заранее знал, как непозволительно я буду их любить. Но так же, как и вы, я забывал, что рано или поздно я должен буду их убивать.

Он сказал это и тут же пожалел, и не потому, что этого не надо было говорить Рике, а просто он хотел отдохнуть и ни о чем не думать до тех пор, пока он не дойдет до своего дома, но вот то, что подсознательно мучило его даже днем, когда он думал о своей физике, это вырвалось наружу, и теперь ему не будет покоя даже на эти несколько минут.

Наверное, все это отразилось на его лице, потому что Рика спустила ноги с подоконника, прыгнула на пол и пошла к нему с каким-то странным выражением, почти гримасой.

— А!.. — сказал он и, махнув рукой, быстро пошел прочь, пошел из института, пошел по короткой сосновой аллее, пошел

домой, где ждал его диктофон, соединенный непосредственно со студией Союза писателей, и всю дорогу он не знал, что же ему делать, потому что повесть его подошла к своему естественному концу, и этот конец должен был стать концом его Стора. Конец — это вовсе не обязательно трагическая развязка, пиф-пиф или десертная ложка яду. Конец — это даже тогда, когда «они поженились и жили долго и счастливо». Конец — это точка, когда герой, которого ты вынянчил и выходил, на ноги поставил и выучил творить те чудеса, которые самому тебе не под силу, завершает отмеренный тобою отрезок своего пути; кульминация, развязка — и он больше не повинуется тебе, больше ему с тобой делать нечего. Он больше не твой.

И вот ходишь, и маешься перед тем, как поставить эту самую последнюю точку, и ищешь способ сделать своего героя если не бессмертным вообще, то хоть смертным по-человечески, и ничего не можешь придумать и тянешь и тянешь время, пока не наступает такой день, как сегодня, когда кончать надо обязательно. Потому что Настоящий Писатель не имеет права уходить из жизни, не распорядившись судьбой своего героя. Это было жестоко, но справедливо, иначе все старались бы оставлять свои произведения незаконченными, чтобы позволить своим героям жить иллюзорной жизнью студии Союза писателей, жить в мире декораций и проектируемых объемных фигур, которые заменяют персонажей второго плана, но все-таки жить.

Это очень тяжело — прекратить существование собственного героя, поэтому право быть Настоящим Писателем предоставлялось только очень мужественным людям. Астор не относил себя к разряду таких людей, но, по-видимому, так считали другие; он не ошибался в себе, и вот теперь, когда его первая повесть, не написанная на бумаге, а разыгранная созданными им живыми людьми, фактически давно уже подошла к своем концу, у Астора не хватало мужества поставить точку.

Но сегодня было необходимо это сделать, потому что завтра в его лаборатории ставился эксперимент, который мог закончиться довольно печально. Астор не мог послать никого и шел сам — он один знал, насколько велик риск.

Завтра все могло быть.

Значит, сегодня необходимо было кончить со Стором.

Астор дошел до ступеней своего дома и оглянулся. Громада института, окруженная соснами, высилась, словно снежная гора. Рика, наверное, снова взобралась на подоконник и смотрела ему вслед. Белобрысая Рика, которую один раз в день он обязательно должен был видеть. Откуда она узнала о его втором состоянии? И потом это «хочу создавать живых людей»... В студии не принято говорить о своих героях, что они живые люди. Говорят — «сценические биороботы», или «материализованные образы».

Но ведь это действительно живые люди, живущие краткой, наперед заданной, но чертовски яркой и завидной жизнью. Как Стор.

Астор сел, подвинул к себе диктофон и вдруг почувствовал... Это было странное, невероятное ощущение минутного всемо-

гущества. Да черт побери все на свете, ты же человек, неглупый, почти талантливый человек, Настоящий Писатель притом! Так ищи же выход, делай невозможное, спасай своего Стора! Еще есть время. И не тяни со всеми этими амурами, подоконниками и златыми кудрями! Главное — это Стор. Спасай его!

Он включил диктофон.

— Выйдя из института, — начал он, — Стор Эламит знал, что никогда, ни теперь, ни потом, он уже не увидит Регину.

«Так ее, рыжую стерву, — подумал он, — ее-то я дематериализую без всякой жалости». Он быстро шел по аллее, но, когда она уперлась в дверь его дома, вдруг помедлил и, обогнув его, очутился на посадочной площадке, где каждый вечер, начиная с пяти, его ждал маленький спортивный мобиль. Он поднял машину в воздух и через двадцать минут уже был там, где за частыми стволами сосен поднималась дымчатая стена студии Союза писателей. Она огораживала площадь в несколько сотен квадратных километров и поэтому казалась совершенно плоской, так что, глядя на нее с расстояния в несколько десятков шагов, нельзя было сказать, как она выгибается — на тебя или наоборот. Стена уходила высоко в небо, и вечные низкие облака сливались с нею, делая ее бесконечной. Здесь когда-то Стор впервые встретился с Регионой, и теперь он бессознательно нашел это место, возле корявого, облепленного муравьями пня, и стал ждать, сам не зная чего, присев прямо на короткий сухой мох и изредка сбрасывая с ботинка огромных винно-красных муравьев, упрямо шедших напролом...

Астор немного подумал: может, добавить еще что-нибудь? И выключил диктофон. Абзац принят, он поступил на студию. Теперь, пожалуй, кибер-ассистенты уже расшифровали его и готовят реквизит: мобиль для полета и все такое, а павильоны прежние — копия дороги от института до дома Астора, площадка для мобилей за домом и потом — роща у самой стены. Но это уже не павильон, это натура, столь редкая в студии.

Пора.

Астор вышел из дому, вывел машину из гаража и резко взмыл вверх. Он взял направление не на главный корпус студии, а туда, к стене, как раз к тому месту, куда с другой стороны через некоторое время должен выйти его Стор.

Астор не любил летать на большой высоте. Оживленные трассы пролегали в стороне и значительно выше, поэтому он спокойно смотрел вниз сквозь прозрачное дно машины и пытался представить себе, что же происходит сейчас там, на студии.

Вчера он оставил Стора в его лаборатории. Диалог с Регионой — скверный диалог. Тянул время, оно и чувствуется; абзац закончил тем, что Стор чертыхнулся и прогнал Регину на ее рабочее место.

Значит, сейчас перед началом нового эпизода кибер-ассистенты вложили в память Стора все то, что он якобы делал между разговором с Регионой и выходом из института. А может быть, уже заработали аппараты, невидимые для Стора, и началась съемка, и Стор послушно огибает свой дом, как это

было продиктовано Астором, и берет мобиль, и машина поднимается, но не в поднебесье, как настоящий мобиль, а всего на несколько метров, а потом включается проекция заранее отснятых кадров, и Стору кажется, что земля удаляется, что под ним проносятся города и рощи, тянутся неестественно прямые дороги и каналы. А на самом деле макет его мобиля подвинется всего на несколько десятков метров в сторону, туда, где растут настоящие деревья возле запретной дымчатой стены, и весь этот полет будет продолжаться не более тридцати секунд, потому что нельзя же заставлять зрителя наблюдать получасовое сидение героя в машине; но когда Стор приземлится, у него останется ощущение, что полет продолжался двадцать минут — ровно столько, сколько это было продиктовано Астором.

На пульте машины вспыхнул красный предупредительный сигнал — локатор нащупал впереди стену. Астор повел свой мобиль на посадку. Деревья росли так часто, что машина с трудом протиснулась вниз сквозь густые ветви и повисла в каком-нибудь полуметре над коротким сухим мхом.

Астор Эламир вышел из мобиля.

Никогда прежде он не подходил так близко к стене. Она была рядом, шагах в трех-четырех, и последние деревья росли почти вплотную к ней.

Астор сделал еще два шага, подошел к самой стене, нечаянно оглянулся — и остановился, пораженный: последний ряд деревьев, ближайший к стене, не имел другой стороны. Если смотреть с того места, где приземлился мобиль, это были деревья как деревья, живые и объемные. Но от самой стены было видно, что это всего лишь половинки, срезанные невидимой вертикальной плоскостью, и срез этот не обнажен, а покрыт мутными лиловатыми натеками. Астор не удержался и постучал косточками пальцев по этому покрытию — раздался глухой стук, словно там, внутри половинки дерева, была пустота. Астор постоял еще немного, что-то соображая, пока не решил, что это уже деревья-макеты, вынесенные за пределы студии, вероятно, затем, чтобы настоящая растительность не пробивалась сквозь стену.

Но раздумывать было некогда. Там, за стеной, Стор уже прилетел, потому что в тех фильмах, которые снимаются на этой студии, время течет иначе, чем в жизни обыкновенных людей. Иногда течение это замедлено, и какие-нибудь полчаса из жизни героя дробятся на множество мелких и в раздробленности своей вроде бы незначительных эпизодов; но вот две силы: добрая пристальность — извне — и безжалостная необходимость — изнутри, — связывают эти осколки, и словно на огромных ладонях приближаются они к глазам зрителя — минуты выдуманной жизни, значимость которых помножена на замедленность действия.

Но чаще бывает иначе, и годы героев обращаются часами, и в этом не малость и мелочность этих лет, а всего лишь граничные условия писательской задачи: вместить целую жизнь в краткий отрезок времени от и до. И тогда время материализованных героев...

«Вот те на, — удивился Астор, — как же это у меня сор-

валось? До сих пор я называл их живыми людьми. И только теперь, очутившись перед этой стеной, я механически использовал непривычный термин: материализованный герой. Нет. Это не так. Это живые люди, необычные только в одном-единственном. Они необычны тем, что всецело подчинены автору. Хотя нет, не всецело. Уж сколько раз бывало так, что автор, создавший тот или другой образ, вдруг чувствовал, что герой вырывается из его подчинения, что слова и поступки, диктуемые ему, для него органически неприемлемы, и бывает даже так, что автор вдруг сознает, что рожденный его воображением герой заставляет его послать к чертям задуманный и отработанный сюжет, что он может поступить только единым образом, и автор принимает этот поступок и подчиняется выбору своего детища. Разумеется, если это чуткий автор. Но есть и такие, которые, несмотря ни на что, продолжают заставлять своих героев совершать противоестественные, не совместимые с их образом поступки, и это обычно бывает последним произведением таких авторов — их лишают права быть Настоящими Писателями, создающими живых людей, и закрывают им доступ на студию».

То, что собирался сейчас сделать Астор Эламит, тоже каралось лишением всех прав Настоящего Писателя, но Астор не мог ничего поделать, потому что Стор был ему дороже самого себя. Он должен был спасти его, не думая ни о расплате за свой поступок, ни о том даже, а нужно ли это самому Стору. Он был должен. Должен...

Астор сделал несколько шагов вперед и остановился так близко от стены, что еще полшага — и его лицо погрузилось бы в ее студенистую массу. Щеки чуть покалывало, словно перед ним висело тело огромной дымчатой медузы. В эту стоячую муть он должен был войти... Снова — должен.

Но почему ни разу, до самого этого момента, он не спросил себя: а может ли он это сделать. Как будто это было нечто само собой разумеющееся. Он многое знал о студии, он знал все — или думал, что знает все, — о тех, кто волей Настоящих Писателей получает право жизни в стенах этой студии, и жизнь эта нередко ярче и поступки гораздо результативнее, чем в жизни обыкновенных людей. Он повторял себе это сотни раз.

Но что он знает о стене? Он поискал в своей памяти. Нет ни одного уголка, где это знание могло бы затаиться. Он почувствовал бы, что когда-то знал, но забыл. Ничего. Вот только то, что за прохождение на ту сторону он заплатит правом создавать живых людей. Но и это не знание, а всего лишь догадка.

Почему он не знает, что такое стена? И главное — может ли он, смеет ли он войти в нее?

Он снова стоял, ожидая, что где-то внутри него отыщется ответ. Но ответа не появлялось, и вместо него в сознании Астора четко обозначился провал, пустота беспамятства, как после обморока, а потом он почувствовал, что внутри него стремительно растет ощущение невозможности, запретности того, что он собирался сделать, и, не позволяя себе подчиниться этому, Астор протянул вперед руки, как ходят люди в тумане, и вошел

в дымное тело стены. Какое-то мгновение он ничего не видел, но затем дым разом исчез, и Астор почувствовал себя в какой-то удивительной кристальной пустоте. Тонкая серебристая пленка под ногами — и абсолютно ничего вокруг. Почему-то он подумал, что в таких случаях люди должны испытывать ужас; но было одно лишь недоумение, и Астор быстро пошел вперед, все еще протягивая перед собой руки, и через несколько шагов снова попал в полосу неизвестно как возникшего дыма, и снова этот дым рассеялся, а Астор понял, что он уже на той стороне.

Вот и все, сказал он себе, и это совсем просто. Значит, человек практически может пройти сквозь стену, но это карается отлучением от любимой работы — что ж, цена немалая. А как же биороботы? Могут ли они пройти сквозь стену? Не проще ли было бы приказать Стору выйти к нему, в мир людей?

Почему-то это раньше не пришло ему в голову. Наверное, это невозможно. Наверное. Опять эта странная неопределенность, провал в сознании. Почему он не знает о своем Сторе такую важную вещь?..

Мысль о Сторе вернула его к действию. Не время рассуждать. Он на студии, на запретной территории. Сейчас ему нужны только быстрота и неуловимость. Только встретить Стора, а там видно будет, как поступать. Тогда и можно будет выяснить, может или нет биоробот пройти сквозь стену. Стену, сквозь которую он прошел, но ничего про нее толком не узнал.

Астор Эламит пошел вперед, отыскивая то место, которое он сам описывал дважды в своей повести, но пока ни корявого пня, ни Стора, обязанного сидеть на этом пне, он не находил.

Ему стало не по себе. Хотя что там — не по себе! Стало так страшно, как бывало только в детстве, когда стремительно проваливаешься в бездонную яму, и упругая невидимая масса продолжает расступаться перед тобой, и ты все падаешь и падаешь, а легкие ледяные пузырьки, подымаясь со дна, проходят сквозь твое тело и уносятся наверх, куда тебе уже никогда-никогдашеньки не вернуться, потому что все, все, все непоправимо и ты один виноват...

Астор понял, что это не то место.

Не появилось даже желания куда-то побежать, закричать, позвать. Бесполезно. Площадь студии не одна сотня квадратных километров. И куда бежать — направо? Налево? И откуда у него была эта уверенность, что он выйдет точно к тому месту, где будет ждать его Стор? Откуда он знал, что пройти сквозь стену надо именно здесь?

Странно, но такая уверенность раньше была. А теперь не было ничего, ровно ничего, даже желания вернуться. Астор тяжело качнулся и, ломая кусты, пошел куда-то вбок, напролом, скользя на сухих проплешинах, усыпанных прошлогодними иголками. И, только выйдя на лысый пригорок, залитый солнцем, остановился, потому что прямо перед ним, полузакрыв глаза, словно греясь на солнце, сидел старик.

«Вот и влип», — тоскливо подумал Астор, влез на занятую площадку, съемка тут, остро психологический момент и все невидимые камеры работают на крупный план. Каких-нибудь пятнадцать минут — и отснятый кусок обработают, и кибер-корректор автоматически поднимет тревогу, потому что в кадре обнаружится посторонняя фигура. И все.

Астор посмотрел на старика. Удивится ли он, встретив незнакомца? А вдруг старик из другого времени? Может быть, действие повести, которая разыгрывается здесь, происходит лет пятьдесят тому назад? Глухой черный костюм незнакомца ни о чем не говорил.

Но старик просто, без тени удивления, даже с каким-то удовлетворением смотрел на подходившего. Смотрел уже давно, наверное, с самого начала, только Астор не обратил на это внимания, из-за полуприкрытых век — так смотрят очень усталые старики.

Астор подошел еще ближе.

— Присаживайтесь, — сказал старик и чуть подвинулся на стволе поваленной сосны, хотя места было и так достаточно. Астор медленно перенес ногу через ствол и сел верхом, и рыжие, нагретые солнцем пластинки коры посыпались вниз, словно чешуя большой золотой рыбы. «Вот они какие, — думал Астор, беззастенчиво разглядывая старика, — вот они — те, которых мы создаем сомнительной силой нашего воображения. Мы видим их потом объемными, чертовски достоверными фигурами на стереоэкране. Но вот такими, из плоти и крови, мы не встречаем их никогда. Это промежуточный процесс, изъятый из акта творчества. И наверное, так и надо, потому что, повстречавшись один раз со своим героем вот так, как я сейчас сошелся в этим стариком, автор уже не в силах будет заставлять его жить, и думать, и чувствовать, и все

прочее. Для технического персонала студии — для биоконструкторов, нейропликаторов, операторов пси-связи — они всегда остаются лишь сценическими биороботами, дистанционно управляемыми антропоидами без обратной связи. И только мы — может быть, даже не все, а немногие из нас — знаем, насколько же это люди. Живые люди. И все-таки как мало мы понимаем, даже нет, нельзя понимать мало или много — как ни странно, ни больно для нас то, что это действительно живые люди...»

Старик продолжал смотреть прямо перед собой, не поворачиваясь к Астору, и его маленькие, очень старческие руки как-то по-особенному бессильно лежали на коленях. «Он еще старше, чем это кажется, — подумал Астор. — И вообще мне кажутся странными вещи: например, что этого старика я где-то уже видел. Хотя почему же странные? Старика я видеть не мог — это же сценический биоробот, материализованный образ, черт побери! Но ведь у него может быть прототип. Определенно видел. И не в институте — там я его помнил бы более отчетливо. Значит, в Союзе писателей. Собственно говоря, а что случится, если я возьму и спрошу его, кто он такой?

Астор собирался было открыть рот, но старик медленно повернулся к нему и проговорил:

— Ну, хорошо, тогда мне первому придется представиться. — Он пожевал губами, снова как-то грустно посмотрел вдаль, словно ожидая, что Астор прервет его и заговорит первым. Но Астор решил подождать. — Видите ли, я писатель. Это всегда как-то неловко говорить о себе. — Старик виновато улыбнулся, маленькие ручки его беспокойно зашевелились. — Но я Настоящий Писатель. Хотя точнее было бы сказать, что я был Настоящим Писателем.

«М-да, — подумал Астор, — а ведь я тоже был. А теперь меня из Союза — в шею, и самое жуткое, что все это напрасно. Дерьмо я. Ничего не смог».

— Я создал много книг, — продолжал старик. — Последние три мне разрешено было материализовать. Сейчас я пытаюсь понять: что же было самым главным, самым радостным в процессе создания настоящей книги? Когда задумываешь писать новую книгу — еще не знаешь толком, какую именно, но знаешь, что это будет твоя новая книга... Или рождение сюжета? Появление героя... Что дороже — первое появление его в твоем воображении или первая встреча с ним на стереоэкране?

«Забавно, — подумал Астор, — забавно. Ведь он сейчас говорит со мною, посторонним лицом, не предусмотренным автором. Значит, весь этот монолог не авторский. Это мысли, независимые от воли того, кто создал этого старика. Даже страшно. Не забавно, а страшно».

— Точно так же я не знал, кто из всех рожденных мною героев ближе и дороже других. До недавнего времени не знал. Пока мне не пришло время расставаться с последним. И тогда я понял, что этот последний настолько близок и необходим мне, что расставание с ним, исчезновение его не

только равносильно для меня собственной смерти — оно страшнее, потому что за ним идет пустота, в которой будет продолжаться мое бытие.

«Хлюпик ты, — в неожиданном ожесточении вдруг подумал Астор. — Ты гробишь человека, которого родил и провел по жизни. Ты шевелишь маленькими, ни на что не способными ручками, а тем временем его там дематериализуют. Не там — здесь. Это происходит здесь, на студии. Еще немного, и так будет с моим Стором. Оба мы хлюпики. Я ведь тоже ничего не сделал. Силенок не хватило. Ума не хватило. Ах, какое я дерьмо! Сижу и слушаю...»

— В него я вложил самого себя,— монотонно продолжал старик.— Не такого, нет — немножечко лучше... и помоложе. Я не смог сделать его юным — наверное, об этом я уже разучился мечтать. Он был такой, каким я хотел бы сейчас стать, если бы возможно было такое чудо,— средних лет, не гений, не мировая знаменитость, а просто человек, честно делающий свое дело. Но главное — я хотел передать ему всю свою боль, с которой создаешь героя и с которой уходишь от него...

«Я перестаю его понимать,— машинально отметил Астор.— Он сам писатель, и герой его писатель, выходит... Но ведь, черт побери, он же не настоящий человек, его же самого кто-то создал, ерунда какая-то, матрешка в матрешке...»

— Простите, вы не назвали себя,— сказал Астор.

— Я — Настоящий Писатель, — грустно сказал старик.

— Вы это говорили.

— Я — настоящий Настоящий Писатель.

Бред какой-то... Астор потер лоб, сморщился, как от боли... И тут до него дошло. Это же просто человек! Такой же человек, как и он сам! Он так же, как и Астор, перешел запретную границу, чтобы кого-то спасти. Теперь их двое. Вдвоем они еще что-нибудь придумают. Вдвоем они еще что-нибудь смогут.

— Ваше имя? — почти крикнул он.

— Кастор Эламит, — сказал старик.

Астор поднялся. Медленно перекинул ногу через ствол дерева, глянул на свои руки и спрятал их в карманы. Дымное марево стены, казалось, выступило из-за деревьев и поползло на них.

— Да... — сказал Астор.— Да... Это очень забавное... совпадение.

Старик не отвечал.

— Вы Кастор Эламит... Да. Но кто же тогда я?

И снова старик не ответил.

— И откуда я?

Старик молча смотрел на серую, теряющуюся в облаках стену. За этой стеной росли деревья, существующие лишь наполовину. Не росли. Они просто стояли, эти макеты. Расти может только живое. Не надо было никаких доказательств, никаких объяснений. Просто нужно было вспомнить эти половинки деревьев, чтобы понять: студия была там, за стеной. А это — это был мир людей.

— Вы хотите, чтобы я сказал это сам? Хорошо. Биоробот. Антропоид без обратной связи, созданный по образу и подобию автора. Точно так же, как я сам творил моего Стора. Немного моложе и немного... лучше. Так? И ваше имя, которое вы укоротили на одну букву...

Все равно это было невероятно. Особенно тогда, когда произносилось вслух. Мысль о том, что ты всего лишь робот, страшна. Но, произнесенная вслух, она становится просто нелепостью, и нужно только говорить, говорить, говорить, чтобы в звучании слов нелепость их смысла выкристаллизовалась бы с максимальной яркостью.

— Значит, тот мир, в котором я жил до сих пор,— это мир декораций, имитированных звуков, материализованных образов? Мир макетов и заранее отснятых кадров? Мир несуществующих расстояний и высот? Мир не бывшего никогда детства, придуманной за меня любви?..

Он остановился. Рика. Его Рика и невозможность прожить хотя бы один день без того, чтобы не увидеть ее...

— Значит, и Рика была ненастоящая? — спросил он шепотом.

— Да, — сказал старик. — Я дал тебе то, о чем мечтал сам,— все равно какую, но только юную, совсем юную, до неправдоподобия юную, и ничего, только видеть, видеть один раз в день...

— Так, — голос Астора был спокоен, удивительно спокоен.— Видеть один раз в день. Значит, и это было ваше. Моего не было ничего. Да, конечно. Теперь я припоминаю. Чужие слова. Я говорил ей чужие, нелепые слова. А что же было мое? Хоть что-нибудь было?

— Астор, — сказал старик так, как обычно говорят «Астор, детка», — с той минуты, как ты вышел оттуда, ты перестал быть моим.

— Благодарю, — сказал Астор. — Благодарю за пятнадцать минут ничейного состояния, которых мне не хватит даже для того, чтобы стать самим собой. Только зачем вы это сделали? Уж вы-то, как никто иной, знали, что пропажа биоробота не может остаться незамеченной, даже если ему и удалось каким-то чудом проникнуть в мир людей. Меня будут искать и, я думаю, найдут без особого труда; и что тогда? Дематериализация на месте, без суда и следствия? Или как тут у вас, у людей, поступают с роботами, обретшими свободу воли?

— Не надо, — попросил старик, — не надо так, Астор.

— Простите меня, — сказал он. — Минутное любопытство. Все равно мне нужно возвращаться, а завтра — эксперимент, мой последний эксперимент, который придумали вы, но участвовать в котором буду я. Ведь так?

— Да, — кивнул старик, — это будет завтра. Перед тем как прийти сюда, я закончил книгу.

— Спасибо. Постараюсь сыграть как можно правдоподобнее.

— Не надо бравировать, мой мальчик. Не старайся казаться немножко лучше меня. Довольно и того, что ты моложе.

— Лучше... — Астор услышал собственный смех. — Какого черта вам понадобилось вытаскивать меня на эту сторону? Пусть случилось бы то, что вашей волей должно случиться завтра, но зачем мне знать, что я — как это называется у нас, у Настоящих Писателей, — что я всего лишь сценический биоробот, антропоид с дистанционным управлением?

— Да, — тихо, почти про себя проговорил старик, — видимо, это неизбежно. Я вложил в тебя не только собственную душу, но и все то, чего, казалось бы, не хватало мне до абсолютного совершенства; и все-таки ты оказался как-то меньше, слабее меня самого.

— Простите, — просто сказал Астор. — Мне пора в мое завтра. И, если это можно, разрешите мне еще немного побыть... самим собой.

— Мой мальчик, — старик тяжело поднялся и встал рядом с Астором, — ты забываешь, что время... — он запнулся, — тех, кто находится за этой стеной, течет намного быстрее, чем время людей. Завтра Астора Эламита должно наступить через двадцать минут.

— Вот как, — сказал Астор. — Надо торопиться. Мне полагается быть в институте?

— Да, конечно, — старик грустно улыбнулся, — это был простейший выход.

— Не выдержит защита?

— Да, мой мальчик...

— Значит, аннигиляция... До чего банально, черт побери! Вы же физик, если я не ошибаюсь?

— У меня не было времени ни на что другое, Астор. Ты, знаешь, что Настоящий Писатель не имеет права оставить свою книгу недописанной. А я... я очень стар и болен, и вот наступило время, когда кибер-анализатор не нашел ни одного способа задержать развитие болезни. Я пришел к тебе, пока у меня еще есть для этого силы. Я должен был распорядиться твоей судьбой, и я это сделал. Прощай, мой мальчик.

Он поднял свои маленькие, легкие руки и несколько церемонно опустил их на плечи Астора. Недолгое время они так и стояли, потом Астор бережно взял эти руки, тихо, словно боясь причинить боль, пожал их и опустил.

— Ну, я пойду, — сказал он.

— Ты так и не понял меня, мой мальчик. Туда пойду я.

— Куда? — растерянно спросил Астор.

Старик улыбнулся, словно хотел сказать — туда, детка, — и пошел к стене, дымным маревом виднеющейся за последними деревьями.

— Нет, — сказал Астор и загородил ему дорогу. — Нет, нет.

Старик подошел к нему вплотную, и Астор схватил его за плечи.

— Осталось меньше двадцати минут, — спокойно проговорил старик. — Я не просто физик, я один из тех, кто создавал студию Союза писателей, кто возводил ее стену и программировал ее роботов. Это позволило мне на недолгий срок расстроить фокусировку съемочной и наблюдательной

аппаратуры. Благодаря этому ты смог выйти сюда, и, когда вместо тебя туда вернусь я, это не будет замечено. Но общий ход действия моей книги уже продиктован, изменить его невозможно. Кто-то должен вернуться и доиграть до конца.

— Это буду я, — сказал Астор. — И не заставляйте меня применять силу.

— Да, я сделал тебя моложе и сильнее себя. — Старик вскинул голову и посмотрел прямо в глаза Астору. — Но я человек, и ты не можешь вставать на моей дороге.

Он стряхнул с себя руки Астора и пошел к стене, стараясь держаться как можно прямее. Астор смотрел ему в спину, не смея двинуться с места, и мысли его путались, стремительно сплетаясь и превращаясь в аморфную массу, и из всей этой массы никак не могла выкристаллизоваться одна, та самая необходимая и единственная, которая дала бы ему право остановить старика. Но Астор всем нутром чувствовал, что такое право у него есть, ускользает только основание, и тут старик, дошедший уже до последнего ряда деревьев, оглянулся и громко сказал:

— Прощай, Астор Эламит!

И Астор вспомнил.

— Стойте! — закричал он и бросился к старику. — Я не могу отпустить вас вместо себя — у меня еще есть мой Стор.

Старик удивленно посмотрел на него.

— Теперь я понимаю, почему я не встретил его здесь, — продолжал Астор. — Ведь это мир людей, а он всего лишь биоробот. Значит, он там, на территории студии, и туда вернусь я, чтобы найти его. Ведь это единственное, что есть у меня.

— Нет, — сказал старик, — у тебя нет твоего Стора. Он тоже мой, как и детство, которое ты помнишь, как законы физики, которыми ты пользуешься, как необходимость видеть Рику... Он не твой.

— Правда. Выдумали все это вы. Даже Стора. Повинуясь вам, я разыгрывал Настоящего Писателя и творил живых людей. Но моей была боль за него. Боль принадлежит не тому, кто создает, а тому, кто теряет.

— Ты знаешь только отголоски той боли, которую выстрадал я, думая о тебе.

— Ну и черт с ней, если она не моя! Забирайте себе все! Все! Некогда торговаться. Отдаю вам все, что было. Но то, что будет, те несколько минут, которые остались до взрыва, — они мои, потому что если туда пойдете вы — что вы сделаете для Стора?

— Ничего, — спокойно сказал старик.

— А я сделаю! Все, что успею. Я найду его...

— Ты не найдешь его, потому что он попросту не существует. Между ним и тобой та разница, что ты материализованный герой, а он нет. Он живет только на бумаге и в твоем воображении.

— Так, — медленно проговорил Астор. — Последняя матрешка оказалась пустой. Внутри — ничего. Но как жить в этом мире, как жить в любом мире, если внутри — ничего?

— Мой мальчик, еще не прошло и часа, как ты стал настоящим человеком. Но все, что ты пережил за это время, уже твое. И все, что будет, когда я уйду, тоже твое. Я оставляю тебе свое имя и свое право пользоваться студией Союза. У тебя еще нет своего Стора. Но ты можешь создать его.

Астор молчал, потрясенный.

— Но если ты захочешь спасти этого Стора — своего Стора, — помни: сценические биороботы не могут перейти границу, чтобы выйти в мир людей. Кибер-корректоры, проверяющие весь материал, поступающий на студию, просто не пропустят такого приказа. А если по какой-нибудь оплошности и пропустят, то ни один биоробот такого приказа не примет и ему не подчинится. Так уж они запрограммированы.

— А я? — растерянно проговорил Астор.

— Вспомни, куда ты шел: ты хотел попасть не в мир людей, а тоже в мир вымышленных героев. Ты должен был встретиться не со своим творцом, а с собственным творением. Если бы текст моей последней передачи проверяли люди, они наверняка поняли бы мою уловку. Но киберов мне удалось провести. Запомни этот единственный выход, я нашел его только потому, что когда-то сам проектировал и создавал зону заграждения студии. Человеку бесполезно переходить эту границу: кибер-наблюдатели не позволят ему встретиться

ни с одним биороботом. Запомни этот единственный вариант. А растворить фокусировку ты сможешь, потому что в тебя вложен весь тот комплекс знаний, которым обладал я, — ведь ты тоже по утрам был просто физиком.

Астор кивнул.

— И не торопись. Не комкай. Не чувствуй себя обязанным. Лепи своего Стора только любовью и болью. Это единственные чистые составляющие, все остальное ненастоящее. Не дорожи им только потому, что он твой. Он должен стоить того, чтобы прийти за ним. И когда ты поймешь, что он действительно этого стоит, — ты знаешь, как его спасти.

Еще некоторое время они стояли молча, просто глядя друг на друга. Потом старик сделал шаг назад и исчез в дымной толще стены.

Астор ждал. Затаенные шорохи вечернего леса обступали его, и он напрягался изо всех сил, чтобы уловить то, что делается на той стороне. Оттуда не доносилось ничего. Астор все ждал. Странное воспоминание всплыло как-то подсознательно, а ведь на той стороне лес никогда не шумел... Он качнулся, словно это воспоминание мягко толкнуло его изнутри, и пошел прочь, пошел все быстрее и быстрее, не оглядываясь, потому что место это он запомнил на всю свою человеческую жизнь, чтобы отыскать его сразу и безошибочно, когда наступит время сюда вернуться.